
ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA

VOL. XL

SECTIO FF

1-2022

ISSN: 0239-426X • e-ISSN: 2449-853X • Licence: CC-BY 4.0 • DOI: 10.17951/ff.2022.40.1.115-131

Поэт в «малом» и «большом» времени.
Творчество Олега Минкина*

Poet Inside the “Small” and “Great” Time. The Work of Aleh Minkin

Poeta w „małym” i „wielkim” czasie. Twórczość Aleha Minkina

SIERGIEJ KOWALOW

University of Maria Curie-Skłodowska, Poland

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-9070>

e-mail: siergiej.kowalow@mail.umcs.pl

Аннотация. В контексте идей русского литературоведа и философа Михаила Бахтина о “малом” и “большом” времени художественного произведения в статье рассматривается творчество известного белорусского поэта Олега Минкина (род. в 1952 г.). Анализируя стихи Олега Минкина из поэтических сборников *Сурма* (1985) и *Расколина* (1991), автор статьи приходит к выводу, что возникшие в контексте “малого” времени (биография поэта, история Беларуси конца XX в.), стихи Минкина по-прежнему остаются актуальными в тематическом и идейном аспекте (национально-возрожденческие мотивы, мечты о свободе и настоящей независимости родной страны), а благодаря укорененности в литературной традиции, интертекстуальным связям с шедеврами мировой литературы (*Божественная комедия* Данте, *Ворон* Эдгара По, *Погоня* Максима Богдановича и др.), совершенству художественной формы обосновывают свое

* Druk tomu sfinansowano ze środków Instytutu Filologii Polskiej UMCS. Wydawca: Wydawnictwo UMCS. Dane teleadresowe autora: Instytut Neofilologii UMCS, pl. M. Curie-Skłodowskiej 4a, 20-031 Lublin, Polska; tel.: +48 81 537 53 78.

присутствие в “большом времени”: переиздаются в сборниках избранных произведений поэта, коллективных антологиях и хрестоматиях, оказывают влияние на творчество других писателей.

Ключевые слова: время, биография, литературная традиция, литературная классика, белорусская литература, Олег Минкин

Abstract. In the context of the ideas of the Russian literary critic and philosopher Mikhail Bakhtin about the “small” and “great” time of a work of art, the article examines the work of the famous Belarusian poet Aleh Minkin (born in 1952). Analyzing the poems of Minkin from the poetry collections of *Surma* (1985) and *Raskolina* (1991), the author of the article comes to the conclusion that Minkin’s poems, which arose in the context of a “small” time (the biography of the poet, the history of Belarus at the end of the 20th century), still remain relevant in the thematic and ideological aspect (national revival motifs, dreams of freedom and true independence of the native country), and thanks to the deep rootedness in the literary tradition, intertextual connections with the masterpieces of world literature (Dante’s *Divine Comedy*, Edgar Allan Poe’s *Raven*, Maxim Bahdanovich’s *Chase*, etc.), the perfection of the artistic form strengthen their presence in “great time”: they are being republished in collections of selected works of the poet, collective anthologies, influencing the work of other writers and, before our eyes, becoming classics of Belarusian literature.

Keywords: time, biography, literary tradition, world classics, Belarusian literature, Aleh Minkin

Abstrakt. W kontekście idei rosyjskiego krytyka literackiego i filozofa Michaiła Bachtina o „małym” i „wielkim” czasie dzieła sztuki szkic omawia twórczość znanego białoruskiego poety Aleha Minkina (ur. 1952). Analizując wiersze Aleha Minkina ze zbiorów poetyckich *Surma* (1985) i *Raskolina* (1991), autor artykułu dochodzi do wniosku, że wiersze Minkina, które powstały w kontekście „małego” czasu (biografia poety, historia Białorusi końca XX wieku), nadal pozostają aktualne w aspekcie tematycznym i ideologicznym (motywy odrodzenia narodowego, marzenia o wolności i prawdziwej niepodległości ojczyzny), a dzięki głębokiemu zakorzenieniu w tradycji literackiej, intertekstualnym związkom z arcydziełami światowej literatury (*Boska Komedia* Dantego, *Kruk* Edgara Allana Poe, *Pogoń* Maksima Bahdanowicza itp.), doskonałości formy artystycznej umacniają swoją obecność w „wielkim czasie”: są wznawiane w zbiorach wybranych utworów poety, antologiach zbiorowych, wywierają wpływ na twórczość innych pisarzy, na naszych oczach stają się klasyką literatury białoruskiej.

Słowa kluczowe: czas, biografia, tradycja literacka, światowa klasyka, literatura białoruska, Aleh Minkin

Олег Минкин занимает уникальное место в современной белорусской поэзии. С одной стороны, среди коллег-поэтов он заслужил репутацию “живого классика”, поэта от Бога, эстета, представителя “поэзии чистой красоты”, продолжателя традиций Максима Богдановича и Владимира Жилки. С другой стороны, мы не найдем глав о поэзии Минкина в школьных и университетских учебниках. Как, впрочем, и в многотомной академической *Гісторыі беларускай літаратуры XX ст.*: его имя только упоминается при перечислении современных поэтов, но при этом его творчество не рассматривается в отдельной главе, в отличие от творчества куда менее талантливых авторов (Hnilamiodaŭ i Lajšuk, 2003; Hnilamiodaŭ i Lajšuk, 2014). Всего один абзац посвятил Минкину английский славист Арнольд Макмиллин в своей монографии *Письменства*

ў халодным клімаце. Беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён, насчитываючай около тысячи страниц и содержащей персональные подразделы о более сотне белорусских писателей (Makmilin, 2011, s. 237). Имя Минкина упоминается в некоторых исследованиях, посвященных белорусской литературе 80–90-х гг. XX в. (Biazliepkina, 2003, s. 37, 45, 71; Kislicyna, 2006, s. 55, 71, 72), несколько абзацев посвятил поэзии и прозе Минкина Александр Бельский в учебниках *Сучасная беларуская літаратура* (Bielski, 1997, s. 44–47) и *Сучасная літаратура Беларусі* (Bielski, 2000, s. 50, 92–93). В печати публиковались рецензии и отзывы на сборники Минкина *Сурма* (1985), *Расколіна* (1991), *Праўдзівая гісторыя краіны Хлудаў* (1994), *Пенаты* (2007), но до сих пор нет ни одной научной статьи о его творчестве, не написана монография о выдающемся белорусском писателе, которому в 2022 году исполнилось семьдесят лет.

Поэт и философ Игорь Бобков, редактор издательской серии “Галерэя Б.”, в аннотации к сборнику избранных произведений Минкина *Пенаты* заметил: “Бальшыня вершаў Алега Мінкіна напісаная так даўно, што ўсе ўжо забыліся навошта і хто іх напісаў. Сам Мінкін часам сцвярджае, што пісала “Сама Мова”. Як бы там ні было, але ўсё напісанае сталася клясыкай беларускай паэзіі XX стагоддзя”¹ (Minkin, 2007, s. 2). Критик и литературовед Анна Кислицина в одной из радиопередач оспорила звание классика в отношении к автору *Пенатаў*, заявив, что есть множество людей, никогда не слышавших имени Минкина (Halubovič, 2010, s. 116). Поэт и литературный критик Леонид Голубович, процитировав в рецензии на сборник *Пенаты* язвительное высказывание Кислициной, заметил, что Минкин действительно пишет и публикуется мало, поэтому молодой читатель может не знать его произведений, но тем не менее заявил: “Мінкін – сапраўды **класік**, але, дзякаваць Богу, “жывы”, а значыць недаацатку спраўджаны” (Halubovič, 2010, s. 116).

Литературный критик, прозаик, издатель Сергей Дубовец в книге-эссе *Вершы* (2007), посвященной белорусской поэзии 80-х гг. XX – начала XXI в., из всех современных поэтов чаще всего цитирует стихотворения Минкина, хоть и не анализирует ни одно из них (Dubaviec, 2007, s. 3, 31, 48, 62, 65, 73, 81). В конце книги автор поясняет свой выбор стихотворений:

Ня ставіў я на мэце ахапіць чым большае кола паэтаў. Шмат каго не згадаў не таму, што недаацэньваю іхнюю творчасць, а таму, што казаў пра найбольш блізкія і зразумельныя мне асабіста творы (Dubaviec, 2007, s. 86).

¹ В связи с тем, что предметом исследований являются художественные тексты белорусского поэта, которые не были переведены на русский язык, цитаты приводятся в языке оригинала. В языке оригинала приводятся также особенно важные критические высказывания исследователей белорусской литературы.

И, наконец, процитируем высказывание Бобкова о поэзии Минкина из книги *Вытлумачэньні ру[і]наў* (2005):

Паэзія Алега Мінкіна напоўніцу адбылася, калі Каралеўства Беларусь у выніку пэўнага перанасычэньня прасторы матэрыялізавалася са сваёй маўклівай посткаланіяльнай рэальнасьці руінаў у а-рэальнасьць тэкстаў.

Мінкін даў гэтаму Каралеўству некалькі метафараў, якія аказаліся істотнымі (Вабкой, 2005, s. 67).

Таким образом, хоть имя и произведения Минкина действительно не известны многим современным читателям (о чем говорила Кислицина), тем не менее поэт пользуется большим авторитетом в среде белорусских писателей и интеллектуалов (Голубович, Дубавец, Бобков и др.), а его произведения несомненно повлияли на развитие белорусской литературы. В этом плане уникальное место Минкина в современной белорусской литературе можно сравнить с местом Иннокентия Анненского в русской литературе конца XIX – начала XX в.: почти неизвестный широкой публике, восхищавшейся стихами Семена Надсона и Игоря Северянина, автор *Тихих песен* (1904) и *Кипарисового ларца* (1910) оказал огромное влияние на поэзию Серебряного века: на Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака и других известных поэтов.

Интересно, что Анненский выдал свой сборник *Тихие песни* под псевдонимом “Ник. Т-о”, который можно прочесть как слово “Никто”. Название сборника избранных произведений Минкина *Мяне тут не было* (2018), за который поэт получил литературную премию имени Михася Стрельцова, также звучит симптоматично и отображает специфически-парадоксальное место автора в белорусской литературе. Поэт *присутствует* в белорусской литературе сорок лет – с начала 80-х гг. XX ст., но в то же время как бы отсутствует: физически (живет за границами Беларуси: какое-то время в России, теперь – в Литве), творчески (только переиздает свои произведения, написанные в 80-х гг. XX ст, а малочисленные новые тексты помещает в сборниках избранного, где они теряются среди ранних произведений), как объект исследования (до сих пор нет статей и монографий о творчестве Минкина).

У Минкина есть стихотворение *Хата*, лирический герой которого однажды попадает в заброшенный дом и затем каждое утро просыпается в этом доме, где бы он не находился (Minkin, 1991, s. 20). Подобное чувство – замкнутости и даже замершего времени – появляется у читателя, когда он берет в руки четыре сборника поэта: он все время попадает в *Сурму*, первую книгу поэта. В *Расколіну* включены стихотворения, неопубликованные из-за цензуры в *Сурме*, даже есть отдельная часть *Водгулле сурмы*. В сборниках *Пенаты* и *Мяне тут не было...* перепечатаны почти все стихотворения из

Сурмы. В избранных сборниках поэт объединяет старые и новые стихи в общие циклы: *Вяснянкі, Клясыка, Гарады, Эцюды, Літаратурныя фрагменты, Пахмелле, Пырскі на твары* и др. Как андерсоновский герой Кай (и герой Минкина в одноименном цикле *Кай*), пытался из множества льдинок сложить слово “вечность”, так и поэт из трех сотен своих стихов старается сложить это слово (или же другое, например, “родина”).

В рецензии на сборник *Пенаты* Голубович высказал мнение, что “вершы і кнігі А. Мінкіна абсалютна натуральна пачуваліся б і іх без змусу ўспрымалі б у багдановічаўскім часе” (Halubovič, 2010, s. 112) (то есть в начале XX в., во времена “Нашай Нівы” и становления белорусской литературы), потому что “большасць твораў Мінкіна не патрапляе ў рытм сённяшняга часу” (Halubovič, 2010, s. 113) Потом, вспомнив признание самого Минкина, что его творчество не привязано к географии и ко времени, критик высказал еще более парадоксальную мысль о вневременном звучании стихов поэта:

Мінкін, здавалася б, працуе ў бячассі. Старыя хагы, сутарэнні, павучынне, маркота, скрушаны розум – усё гэта нібыта знакі пачатку XX стагоддзя, а не яго канца, але за выняткам нейкіх нязначных алюзіяў, туманных сімвалаў, вобразных абрысаў дзіўным чынам, дзякуючы версіфікацыйнаму майстэрству і паэтычнаму чараўніцтву, наводзяцца масты і з нашым часам. Таму *пазачаснае* гучанне яго вершаў – як рэха (адбітак сапраўднага далёкага голаса – ці то з мінулага, ці то з будучага) укладваецца ва ўсякі час, а значыць, і ў бяздонную сферу самой вечнасці... (Halubovič, 2010, s. 113).

Знакомство с творчеством Минкина, внимательное чтение его стихотворений из оригинальных сборников *Сурма (1985)* и *Расколіна (1991)* убеждают нас в том, что вывод Голубовича – талантливого поэта и вдумчивого критика – в этот раз ошибочен, как и не соответствует истине утверждение самого Минкина о том, что его стихи не привязаны ко времени и географии. На самом деле, следует говорить не о *вневременности* творчества Минкина, а о *многoвременности* его произведений, о параллельном присутствии поэта в разных системах временных координат, в “малом” и “большом” времени.

Понятия “малого” и “большого” времени ввел в научный дискурс российский литературовед и философ Михаил Бахтин (впервые эти идеи озвучены им в 1970 году в ответах на вопросы редакции журнала “Новый мир”)². Понимая под “малым временем” время жизни автора и написания произведения (“время теперь”, современность автора), Бахтин акцентировал внимание на категории

² Категории “малой оси времени” (продолжительность одного человеческого существования) и “большой оси времени” (цепь последующих перерождений, ведущих к нирване) встречаются также в религиозно-философских учениях Древней Индии, в частности, в буддизме. Но влияние буддизма на поэзию Олега Минкина – предмет отдельного исследования.

“большого времени”, в котором литературные произведения живут на протяжении столетий и в каждую эпоху приобретают новое значение:

Пытаясь понять и объяснить произведение только из условий его эпохи, только из условий ближайшего времени, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины. <...> Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в б о л ь ш о м времени, при том часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности. <...> В процессе своей посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания (Bahtin, 1986, s. 504).

Традиционно под литературными произведениями, живущими в “большом времени”, понимаются “великие произведения”, мировая классика, произведения Гомера, Шекспира, Достоевского и т.д. (именно Шекспира и Достоевского Бахтин приводил в качестве примеров).

Но, во-первых, претензии на существование в “большом времени” имеют все произведения и мы, их современники, не знаем, в какой степени они будут оправданы. А, во-вторых, в современных произведениях присутствуют – в большей или меньшей степени — отзвуки “большого времени” в виде литературной традиции, топосов, цитат и аллюзий из произведений предшественников; современные тексты находятся в состоянии активного культурного диалога с произведениями минувших эпох и современный писатель является таким же интерпретатором их потенциальных смыслов, как и современный литературовед.

Чужая культура только в глазах д р у г о й культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Одни смыслы раскрывают свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другими, чужими смыслами: между ними начинается как бы д и а л о г, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины” (Bahtin, 1986, s. 508).

В поэзии Минкина активный диалог с произведениями итальянца Данте Алигьери, американца Эдгара По, белоруса Максима Богдановича, интертекстуальные связи с многочисленными произведениями национальной и мировой литературы особенно заметны в сравнении с творчеством большинства белорусских писателей, сосредоточенных исключительно на национальных или социальных проблемах (речь идет не об эрудиции, не о жонглировании именами, цитатами, аллюзиями, а о плодотворном использовании традиции и актуализации прежних смыслов в новой историко-эстетической реальности).

Вот почему при первом прочтении стихов Минкина создается впечатление о присутствии поэта мыслями и чувствами лишь в “большом времени”, о его равнодушии и даже презрении к “малому времени”, о отсутствии биографического и исторического контекста в его произведениях, о “вневременности” и “чужевременности” его произведений.

Внимательное прочтение произведений Минкина в биографическом, историческом и культурном контексте убеждает, однако, в том, что поэт одновременно присутствует как в “большом”, так и в “малом” времени, если под первым понимать плодотворное продолжение традиции, а под вторым – созвучие произведений мыслям и переживаниям своего поколения, создание знаковых текстов и метафор.

Белорусские стихотворения Минкина стали появляться на страницах официальных изданий в начале 80-х гг. (в 70-е гг. он писал стихи на русском языке, но не публиковал их), кроме того, некоторые его произведения распространялись в рукописях в среде молодых литераторов и национально-сознательной молодежи (например, цикл стихов *Наследаванні Дантэ*, поэма-апокриф *Апошняя казанне Белабога*, повесть *Краіна хлудаў*).

Минкин родился в 1952 году в деревне Чернявка на Могилевщине, окончил Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства, после долгих скитаний по России и Беларуси осел в Бресте, где прожил десять лет до переезда в Вильнюс в 1991 году.

Свой первый сборник *Сурма* поэт издал в 1985 году, в возрасте тридцати трех лет. С перспективы сегодняшнего дня (малого отрезка “большого времени”) можно утверждать, что *Сурма* стала одним из важнейших достижений белорусской поэзии 80-х гг. XX в. наряду с такими книгами, как *Шлях-360* (1981) Александра Резанова и *Пан Лес* (1989) Анатолия Сыса.

Следует помнить, что сборник вышел в государственном издательстве “Мастацкая літаратура” под строгим контролем цензуры – Главного литературного управления ЦК КПБ. И хотя редактором книги был молодой, талантливый поэт Леонид Дранько-Майсюк, недавний выпускник Литературного института им. Максима Горького, а директором издательства — интеллигентный и эрудированный переводчик и писатель Михаил Дубенецкий, *Сурма* вышла в сильно деформированном виде. Во-первых, некоторые важные для автора тексты просто не вошли в сборник (например, пророческое стихотворение *Я сніў, што дождж зацяты перасціх...* или *Свінні* из цикла *Наследаванні Дантэ*). Во-вторых, чтобы получить разрешение Главлита на издание сборника, автору, по совету редактора, пришлось кардинально изменить композицию книги, что заметно даже невооруженным взглядом. По издательской традиции в СССР сборник стихов должен был начинаться идейно ангажированным стихотворением,

так называемым «паровозом», который потянет за собой весь поезд. Это могло быть стихотворение о Ленине, Коммунистической партии, Октябрьской революции, Великой Отечественной войне (в крайнем случае – о родине или матери). В рукописи сборника Олега Минкина *Сурма* ни одна из этих тем представлена не была, поэтому на первую страницу были вынесены пейзажные стихотворения *Кастрычнік* и *Май* из календарного цикла *Месяц за месяцам*, чтобы вызвать ассоциации с Октябрьской революцией и Днем труда Первого мая. Программные национально-возрожденческие стихи *Сурма*, *Дуда*, *У Полацку* были “спрятаны” в середине книги, а цикл *Наследаванні Дантэ* – в конце.

Читателя сборника впечатляли рафинированный белорусский язык поэта (многие слова, найденные Минкиным в словарях Насовича, Ластовского, Станкевича, встречались только в его произведениях и именно из них заимствовались другими молодыми писателями), эрудиция и художественный вкус автора, гармоничное сосуществование-переплетение национальных и мировых традиций, классическая форма и мелодичность стихотворений. Заглавие сборника вписывалось в белорусскую традицию называть поэтические сборники как музыкальные инструменты (*Дудка беларуская* (1891) і *Смык беларускі* (1894) Франтишка Богушевича, *Скрыпка беларуская* (1906) Алаізы Пашкевич, *Жалейка* (1908) Янки Купалы и др.), но содержание и стилистика стихотворений явно отсылали к поэзии Богдановича, автора *Вянка* (1913) – лучшего поэтического сборника в истории белорусской литературы. Цикл Минкина *Наследаванні народнаму* перекликался с циклом Богдановича *У зачараваным царстве*, патриотическое стихотворение *У Полацку* – со знаменитой *Пагоняй*, стихотворение *Дык бывай...* – с верлибром *Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...* Но верность Минкина традиции Максима Богдановича проявлялась не только в интертекстуальных связях.

В рецензии на *Сурму* автор этой статьи, тогда молодой двадцатилетний критик, отмечал:

Невыпадкова, што ў кнізе Алега Мінкіна багдановічаўская традыцыя знайшла сваё найбольш поўнае ўвасабленне і, што галоўнае, творчае развіццё, імкненне да працягу: выявілася блізкасць у спектры ўспрымання, прыняцця выяўлення, схільнасць сумяшчаць класічнасць і эксперымент, высокая культура творчасці (разуменне народнага, нацыянальнага, спрадвечнага ў Алега Мінкіна ўжо склалася пад уздзеяннем эстэтыкі Багдановіча) (Kavalioŭ, 1986, s. 11).

Как и Богданович, Минкин восхищался *Божественной комедией* Данте (позже он даже перевел несколько первых глав поэмы на белорусский язык). Цикл *Наследаванні Данта* явно относится к лучшим стихотворениям *Сурмы*. Используя структуру и воссоздав гнетущую атмосферу дантовского ада, Минкин поместил в четырех кругах (из девяти описанных у Данте) многочисленных

предателей родины: тех, кто забыл родной язык и свои корни (*Матылі*); тех, кто покинул родную страну и за щедрое вознаграждение работал на чужую культуру (*Вечны вырай*); тех, кто знал о тяжелой судьбе родины, но трусливо прятался в норах (*Святыя*); и, наконец, тех, кто открыто перешел на сторону врага и издевался над угнетенной родиной (*Пацукі*). В толпе обитателей дантовско-минкинского ада легко узнать современников поэта – русифицированных и советизированных белорусов, забывших родной язык и культуру, сделавших успешную карьеру в Беларуси или России, служивших московским властям и притеснявших своих соотечественников, которые пытались освободить Родину. Особенно многочисленной была толпа в первом круге:

Я сунуўся ў гнятлівай цішыні
Між прахлых дрэў і чуў сваё дыханне,
І ў цемрадзі глухой згубіў дазвання
Уяву часу, руху, глыбіні.

І раптам даляцела да мяне,
Здалёк, нябачных крылаў трапятанне.
Сумеўшыся, пачуў я шэпт літанняў,
Што ў шолаху то нікнуў, то мацнеў.

“Жыцця! Жыцця!” – ледзь чутна хор маліў.
І ён сказаў: “Ты чуеш галашэнне
Прыніжаных, аблудных пакаленняў,
Што адышлі, ня жыўшы на зямлі.

Бо іх яшчэ ў калысцы аднялі
Ад малака гаючага Радзімы:
Бяз памяці, бяз мовы – днём адзіным –
Жылі пад сонцам людзі-матылі!”
(*Матылі*) (Minkin, 1985, s. 36).

К сожалению, по цензурным соображениям в сборнике не было опубликовано еще одно стихотворение данного цикла – *Свінні*, под которыми подразумевались те белорусские писатели, которые ради гонораров и почестей (“карыта”) продались власти и искажали правду в своих произведениях, забыв о несчастной судьбе родного языка и страны. Это стихотворение “ходило по рукам” в среде патриотически настроенной белорусской молодежи, участники литературной группы “Тутэйшыя” презрительно называли старших коллег “прыкарытнымі”, а в 1991 г., когда издательская цензура немного ослабла, Минкин опубликовал стихотворение *Свінні* в сборнике *Расколiна* в цикле *Партрэты* (Minkin, 1991, s. 14).

Цикл *Наследаванні Дантэ* заканчваецца стихотвореннем *Пацукі*, в котром появляются таинственные всадники с изображением Погони на щитах и разгоняют стаю крыс, мстя за издевательство над родиной (в *Сурме* Погоня печаталась с маленькой буквы, в позднейших публикациях этого стихотворения – с заглавной). Изображение всадника с герба Великого княжества Литовского Погоня (и из стихотворения Богдановича *Пагоня*) появляется также в мистическо-патриотическом стихотворении *У Полацку*. Но самым патриотическим, программным произведением сборника является стихотворение *Сурма*, которое, согласно замыслу автора, должно было открывать книгу, но по совету редактора было “спрятано” от придирчивого взгляда цензора в середине:

Над дахамі, над скачанелым голлем,
 Як попел, узняліся крумкачы,
 Злавесна засланілі далячынь,
 Дзе вецер раздзімаў зары вуголле.
 І крумкалі ўтрапёна... І міжволі
 Я за нашэсцем жудасным сачыў:
 То быў мне напамін, што не ўцячы
 Ад распачы нікому і ніколі.

Гэй, гнюсы! Паняверкі чорнай світа!
 Прарочыце вы крыкам хіжым, тлумным
 Засілле вечнай сцюжы і зімы,
 Ды праз ваш гвалт мне чуцен звон забыты
 Званоў Сафії і прызыўна-сумны,
 Працяглы спеў абуджанай сурмы!³
 (*Сурма*) (Minkin, 1985, s. 27).

Тема родины, ее национального и духовного возрождения, была главной, но не единственной темой сборника Минкина *Сурма*. Уже в первом сборнике проявилось пристрастие поэта к созданию циклов стихотворений, многие из которых была начаты в *Сурме*, а окончательно оформились в сборниках избранных произведений *Пенаты* и *Мяне тут не было...* (циклы *Наследаванні народнаму*, *Месяц за месяцам*, *Вяснянкі*, *Класіка*, *Гарады*, *Пырскі на твары* и др.). В стихах присутствовали известные в европейской литературе с античных времен топосы быстротечности времени, кратковременности любви, тщетности жизни, неизбежности смерти, сладости одиночества, но все эти мотивы в первом сборнике находились на втором плане и в полную силу проявились в позднейших

³ Сурма или рог тура – старинный народный инструмент, возрожденный в начале 80-х гг. XX века реставратором Владимиром Пузынем.

произведениях. Интересным примером художественного эксперимента со временем стало сюжетное стихотворение-верлибр *Вяртанне*, в котором фантастическая ситуация прощания-встречи с возлюбленной описана в обратном порядке, когда стрелки часов остановились и пошли в противоположную сторону. Тема любви выражена в сборнике *Сурма* в особенно утонченной манере, как, например, в стихотворении *Нясвіжскія партрэты*, где искусство гармонично переплетается с жизнью, а история – с сегодняшним днем:

Па зале халоднай з блішчастым паркетам
 Іду я скрозь шыхт старасвецкіх партрэтаў,
 Паміж срэбратканых каптанаў, сукенак
 І твараў уладных паноў і паненак.
 Дзіўлюся на пыху ў паставах васковых,
 На жорсткія вусны, на тонкія бровы.

Святло на эфэсах і спражках мігціцца,
 На поўсьці сабак паляўнічых ілсьніцца,
 На пацерках, на ланцужках, на маністах
 І на завушніцах зіхціць прамяніста...
 Здавалася, гэтыя людзі ніколі
 Ня ведалі палкіх жаданняў і болю.

І раптам уразіў загадкавы позірк
 Жанчыны ў манерна-абражанай позе,
 І доўга глядзеў я ў здзіўленні маўклівым
 У бездань вачэй прыцягальных і кплівых,
 І губы... знаёмыя прагныя губы –
 Такія ж мяне сцалавалі да згубы!
 (*Нясвіжскія партрэты*) (Minkin, 1985, s. 16).

На фоне тогдашней белорусской советской поэзии *Сурма* выглядела тематическим и художественным “извращением”, апофеозом аполитичности и асоциальности, эстетическим чудачеством. Достаточно сравнить содержание первого сборника Минкина со сборником его ровесника Николая Метлицкого *Мой дзень зямны*, который вышел в свет в том же 1985 году и в том же издательстве “Мастацкая літаратура”. Перечислим названия некоторых стихотворений из сборника Метлицкого: *Перамога*, *Маёй зямлі нядрэмныя трывогі*, *Маё пакаленне*, *Раённай газеце “Ленінскі сцяг”*, ... *Вайны сусветнай ці астыла хата?*, ... *Параніў сэрца боль чылійскіх хат...*, *Чытаю “Правду”*, *У музеі Вялікай Айчыннай*, *Талісман Нікарагуа*, *Палігон (Дзённік салдацкай трывогі)*, *Прысвячэнне Радзіме*, *Матчына хата*, *Наш хлеб*, *Плошча Перамогі*, *Унукі рэвалюцыі*, *Парк Гастэла ў далёкім Кызыле...* и т.д. (Miatlicki, 1985).

В белорусской массовой поэзии того времени доминировала совсем другая образность, ритмика, стилистика, чем в неоклассических, изысканно-филигранных стихах Минкина; у большинства поэтов было совершенно иное понимание современности, задач и смысла литературы:

Параніў сэрца боль чылійскіх хат,
 Стань, верш, ключом ад турмаў Піначэта!
 Я гнеўна чую: ў сэрца нібы кат,
 Сярод начы ўціскаецца планета. <...>
 (*Параніў сэрца боль чылійскіх хат...*) (Miatlicki, 1985, s. 10).

С точки зрения советского читателя, литературоведа-конформиста (рецензентом книги *Мой дзень зямны* был доктор филологических наук Владимир Гнилomedов) и партийного начальства сборник Метлицкого, составленный из стихотворений о Ленине, Октябрьской революции, Великой Отечественной войне, о борьбе за мир и красотах родного края, выглядел весьма актуальным и созвучным своему времени (в 1986 году получил Премию Ленинского комсомола Беларуси). Но все эти конъюнктурно-ангажированные текста остались в своем “малом времени” как пример эстетики позднего соцреализма⁴, устарели уже в следующем десятилетии, а лучшие стихотворения *Сурмы* Минкина переиздаются в сборниках избранных произведений поэта и в коллективных антологиях, тем самым приоткрыв дверь в “большое время”.

Но случилось так, что и в системе координат “малого времени” *Сурма* оказалась более актуальной, чем конъюнктурный сборник Метлицкого и десятки подобных сборников других белорусских советских поэтов, восхвалявших уходящую эпоху. В апреле 1985 года новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев объявил о начале политики перестройки, демократизации и гласности; вслед за этим в Беларуси, как и в других республиках СССР, начались процессы национального возрождения. В Минске, Витебске, Гродно, Полоцке создавались неформальные молодежные общества и организации

⁴ Как ни парадоксально, за антивоенные стихотворения, поощряемые в СССР наградами и премиями, в сегодняшней путинской России и лукашенковской Беларуси могут посадить в тюрьму. Чем не антивоенный плакат:

Капаючы пляцоўкі для ракет,
 Іржавая лапата далакопа
 Наткнецца з хрустам –
 Веру! –
 На шкілет
 Таго,
 хто зычыў смерць табе, Еўропа.
 (Miatlicki, 1985, s. 11).

(“Талака”, “Пагоня”, “Ратуша” и др.), а в декабре 1986 года состоялось первое заседание Общества молодых литераторов “Тутэйшыя”, в ряды которого вступил и Минкин. Период 1985–1991 гг. оказался очень важным для поэта, его родины и всего мира: распалась “империя лжи” СССР, Беларусь в 1991 году стала независимой, а Минкин в том же году выдал свой второй сборник *Расколіна*.

Как ни странно, написанная в эпоху горбачевской перестройки *Расколіна* более пессимистическая и минорная, чем написанная в брежневскую застойную эпоху *Сурма*. Возможно, причиной этого стали неизвестные нам биографические факты (поэт приближался к опасному сорокалетнему возрасту); возможно, романтические представления автора *Сурмы* о пути страны к независимости и свободе отличались от политических и экономических реалий переходного периода в Беларуси; а, возможно, новый образ поэта и его новое настроение стали результатом художественной эволюции Минкина, последствием его бесконечных путешествий в книжных мирах, в тот самый “большом времени”. Если первый сборник Минкина написан под влиянием поэзии Богдановича, то второй – под заметным влиянием Жилки – поэта, продолжавшего традиции “поэзии чистой красоты”, но при этом обладавшего более трагическим мировосприятием. Из мировой классики на автора *Расколіны* сильное влияние оказал По с его невралгической склонностью к мистике и фатализму (не случайно в сборнике среди оригинальных стихотворений Минкина помещен перевод *Крумкача*).

В эпиграфе к сборнику автор предупреждает читателя: “Non sum qualis eram” (“Я не той, які быў раней”) (Minkin, 1991, s. 3). Если считать программными стихотворения, давшие названия сборникам (*Сурма* и *Расколіна*), и сравнить их, разница будет очевидной. Искренняя вера в национальное и духовное возрождение страны, стремление пробудить белорусов с помощью поэтического слова от вечного сна сменились горькой саморефлексией, гражданским скептицизмом, осознанием противоречивости и двойственности человеческой природы:

<...>

І вось жа настала хвіліна,
Што гэтулькі снілася нам,
І свет раскалоўся, як шкліна,
Не змогшы брыды, напалам:
Направа – сябры-аднадумцы
Да зор неспазнаных ляцяць,
Налева – паскудныя людцы
У курчы смяротным хрыпяць.

Ды вось жа якая прыгода –
 Так глыбака ўелася мгла...
 Расколiна тая не воддаль,
 А ў сэрцы маiм пралягла.
 (*Расколiна*) (Minkin, 1991, s. 55).

Трещина в душе, раздвоенность, духовный надлом чувствуются в стихотворениях самой разной тематики, даже в интимной лирике. В прекрасном с художественной точки зрения стихотворении *Прэлюдыя* герой пытается сделать выбор между двумя женщинами: красивой распутницей и целомудренной женщиной-ангелом. Когда тело насытилось ласками первой из них, душа в надежде на спасение тянется ко второй и следует за женщиной-ангелом вверх по лестнице к небу, но на последней ступени в воображении героя вновь возникает образ соблазнительной красотки, и он падает в бездну. Возможно, в “малом времени”, в биографии поэта каждая из женщин имела свой реальный прототип, но в “большом времени”, в литературной традиции образы этих женщин явно восходят к дантовской Беатриче (святой ангел, указывающий поэту путь к спасению) и петрарковской Лауре (Медузе-Горгоне, от взгляда которой поэт каменеет и не может сделать ни шага к спасению).

Автор *Расколiны* “разрывается” между своим временем, в котором происходят биографические и исторические события, и “большим временем” с его неразрешимыми онтологическими проблемами бытия. Как когда-то заметил российский писатель Евгений Замятин: “Есть два способа преодолеть трагедию жизни: религия или ирония” (Zamâtin, 1988, s. 133). Минкину ближе иронический взгляд на мир, даже в отношении самых трагических событий, таких как Чернобыльская катастрофа:

Даўней хвароб было нямала
 бо свет наш быў недасканалы
 а зараз толькі дзве хваробы:
 жах iснавання i Чарнобыль.
 (*Даўней хвароб было нямала...*) (Minkin, 1991, s. 50).

Характерно, что похожая духовная перемена произошла на рубеже 80–90-х гг. XX в. еще с одним талантливым белорусским поэтом – Сысом, который ушел от национально-патриотической темы, принесшей ему славу, погрузился в “бремя человеческих страстей” и сменил образ пророка на маску шута и судьбу юродивого. Метаморфозы Минкина были не столь кардинальны и трагичны, как у Сыса, от “ужаса существования” спасали ирония, стоицизм, природная интеллигентность и любовь к литературе. Какими бы не были личные

биографические причины метаморфозы двух талантливых белорусских поэтов, на обоих, вероятно, повлияло разочарование реальным развитием белорусского национального возрождения, когда эпоха поэтов сменилась эпохой политиков.

Одним из знаковых произведений сборника *Расколіна* является стихотворение *Хата*, лирический герой которого случайно переночевал в старом заброшенном доме и уже не смог из него выбраться: куда бы не уходил, каждое утро он снова просыпался в этом загадочном месте. Этой же теме посвящен рассказ Минкина *Стары дом* (1991), где автор объясняет созвучность описываемой ситуации его собственной судьбе: “Бо ўсё маё жыццё складаецца з незразумелых вяртанняў да нейкага пункту, у якім усё існае страчвае раптам сэнс ды ператвараецца ў награвашчанне нічым не звязаных спамяж сабой асклёпкаў” (Minkin, 2018, s. 229). Но в стихотворении, в отличие от рассказа, есть еще эпитафия, строки классика белорусской литературы XIX века Франтишка Богушевича: “Я не кіну хаты, хоць вы мяне рэжце, / Не пайду да вас я, хіба у арэшце” (Minkin, 1991, s. 20). Поэтому стихотворение можно интерпретировать как своеобразную метафору белорусского национального возрождения, которое столетиями топчется на месте, не доходя до логического завершения по каким-то таинственным, мистическим причинам:

Беларускі праект вызвалення зь ягонай энергетыкай сацыяльнага і культурнага аптымізму атрымаў у выніку дапасавання гэтай метафары метафізічнае “кароткае замыканьне”. Куды б мы ні выпраўляліся ў пошуках свабоды, нам наканавана заўсёды прачынацца ў “старой хаце” (Багушэвіча?), якая можа быць убачаная як “стары катух”, а можа (у выніку пэўнага містычнага прасвятленьня) – як Каралеўства (Вабкой, 2005, s. 67).

И все же, несмотря на врожденный пессимизм и скептицизм, на охватившее поэта отчаяние и неверие, в глубине души автора *Расколіны* скрывается юношеский романтизм и готовность вступить в ряды борцов за свободу (погибнуть за родину иногда бывает легче, чем годами сохранять веру в победу). Интересно, что самое патриотическое и свободолюбивое стихотворение в сборнике называется *Самота*:

*Алесю Бяляцкаму*⁵

Мне рэжа слых хлусня прамоў траскотных,
Мне слепіць вока яркасьць кумача –
Даўно мне ўсё абрыдла, апрача
Маўклівай непрыгтомнасці самоты.

⁵ Александр Беляцкий (род. в 1962 г.) – председатель общества молодых литераторов “Тутэйшыя”, председатель правозащитного центра “Вясна”, политзаключенный в 2011–2014 гг., с 2021 г. и по сегодняшний день.

Ды ўсё-ж, калі-б у цішы безвыходнай
 Турыны рог прызыўна загучаў,
 І на лязе узнятага мяча
 Запалымнелі водсветы паходняў, –

Я ўсе сумненні адгарнуў-бы разам
 І стаў пад белы сьцяг з чырвоным пасам:
 Пад бел-чырвона-белы вольны сьцяг...
 Чырвоны пас на белым тле Радзімы,
 Ты клічаш нас за волі міг адзіны
 Узняцца і загінуць без разваг!
 (*Самота*) (Minkin, 1991, s. 67).

В реальной жизни автору стихотворения также довелось сражаться за свободу, но не за свободу Беларуси, а за свободу Литвы, куда Минкин переехал в начале 90-х гг. вместе с рядом молодых белорусских интеллектуалов, чтобы возродить знаменитую газету *Наша Ніва* и традиции белорусской культуры в полиэтническом Вильнюсе. Тем временем белорусская история совершила очередной разворот в прошлое: в 1994 году президентом был избран Александр Лукашенко, который при поддержке большей части населения – русифицированного и советизированного – повел страну назад к советским идеалам, в удушающие “объятия” России.

Стихотворения Минкина 80-х гг. XX ст. – о манкуртах и предателях родины, о пробуждении национальной гордости белорусов, мечтах о свободе и независимости родной страны – по-прежнему остаются актуальными в теперешних политических реалиях Беларуси. Скорее всего, их тематическая и идейная актуальность в “малом времени” не радует поэта, который с 1991 года живет за границами Беларуси. Но художественная актуальность и техническое совершенство произведений, написанных тридцать-сорок лет назад, их переиздания в новых сборниках поэта и в коллективных антологиях свидетельствуют о том, что их претензии на существование в “большом времени” весьма обоснованы.

БИБЛІОГРАФІЯ/REFERENCES/BIBLIOGRAFIA

- Babkoŭ, Ihar. (2005). *Vytłumačeñni ru[i]najaŭ*. Miensk: Lohvinaŭ. [Бабкоў, Ігар. (2005). *Вытлумачэньні ру[і]наў*. Менск: Логвінаў.]
- Bahtin, Mihail. (1986). *Literaturno-krytyčeskie stat'i*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura. [Бахтин, Михаил. (1986). *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература.]
- Biazliepkina, Aksana. (2003). *Razam i paasobku: tavarystva “Tutejšyja”*. *Historyja. Asoby. Žanry*. Minsk: Bielaruski knižabzor. [Бязлепкіна, Аксана. (2003). *Разам і паасобку: таварыства “Тутэйшыя”*. *Гісторыя. Асобы. Жанры*. Мінск: Беларускі кнігзбор.]

- Bielski, Alieś. (1997). *Sučasnaja bielaruskaja litaratura*. Minsk: Narodnaja asvieta. [Бельскі, Алесь. (1997). *Сучасная беларуская літаратура*. Мінск: Народная асвета.]
- Bielski, Alieś. (2000). *Sučasnaja litaratura Bielarusi*. Minsk: Aviersev. [Бельскі, Алесь. (2000). *Сучасная літаратура Беларусі*. Мінск: Аверсэв.]
- Dubaviec, Siarhieĭ. (2007). *Vieršy*. Miensk: Biblijatečka časopisu “Dziejaslou”. [Дубавец, Сяргей. (2007). *Вершы*. Менск: Бібліятэчка часопісу “Дзеяслоў”.]
- Halubovič, Lieanid. (2010). *Sys i kuluary. Litaraturna-krytučnyja ese*. Minsk: Litaratura i mastactva. [Галубовіч, Леанід. (2010). *Сыс і кулуары. Літаратурна-крытычныя эсе*. Мінск: Літаратура і мастацтва.]
- Hnilamiodaŭ, Uladzimir, Laŭšuk, Sciapan (red.). (2003). *Historyja bielaruskaj litaratury XX stahoddzia*. Т. 4. Кн. 2. Minsk: Bielaruskaja navuka. [Гніламёдаў, Уладзімір, Лаўшук, Сцяпан (рэд.). (2003). *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя*. Т. 4. Кн. 2. Мінск: Беларуская навука.]
- Hnilamiodaŭ, Uladzimir, Laŭšuk, Sciapan (red.). (2014). *Historyja bielaruskaj litaratury XX stahoddzia*. Т. 4. Кн. 3. Minsk: Bielaruskaja navuka. [Гніламёдаў, Уладзімір, Лаўшук, Сцяпан (рэд.). (2014). *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя*. Т. 4. Кн. 3. Мінск: Беларуская навука.]
- Kavaliou, Siarhieĭ. (1986). *Šliacham ujaŭliennia. Bielaruś, 12*, s. 11–12. [Кавалёў, Сяргей. (1986). *Шляхам уяўлення. Беларусь, 12*, с. 11–12.]
- Kislucyna, Hanna. (2006). *Novaja litaraturnaja situacija: zmiena kulturnaj paradyhmy*. Minsk: Lohvinaŭ. [Кісліцына, Ганна. (2006). *Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы*. Мінск: Логвінаў.]
- Makmilin, Arnóld. (2011). *Pišmienstva ŭ chłodnym klimacie. Bielaruskaja litaratura ad 70-ch hh. XX st. da našych dzion*. Bielastok: Orthdruk. [Макмілін, Арнольд. (2011). *Пісьменства ў халодным клімаце. Беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён*. Беласток: Orthdruk.]
- Miatlicki, Mikola. (1985). *Moj dzień ziamny. Vieršy*. Minsk: Mastackaja litaratura. [Мятліцкі, Мікола. (1985). *Мой дзень зямны. Вершы*. Мінск: Мастацкая літаратура.]
- Minkin, Alieh. (1985). *Surta. Vieršy*. Minsk: Mastackaja litaratura. [Мінкін, Алех. (1985). *Сурта. Вершы*. Мінск: Выдавец І.П.Логвінаў.]
- Minkin, Alieh. (1991). *Raskolina. Vieršy i paeta*. Minsk: Mastackaja litaratura. [Мінкін, Алех. (1991). *Расколіна. Вершы і паэма*. Мінск: Мастацкая літаратура.]
- Minkin, Alieh. (2007). *Pienaty*. Minsk: Vydaviec I.P.Lohvinaŭ. [Мінкін, Алех. (1985). *Сурта. Вершы*. Мінск: Мастацкая літаратура.]
- Minkin, Alieh. (2018). *Mianie tut nie bylo. Paezija i proza*. Minsk: Kniazbor. [Мінкін, Алех. (2018). *Мяне тут не было. Паэзія і проза*. Мінск: Кнігазбор.]
- Zamiatin, Evgenij. (1988). *Sovremennaa russkaa literatura. Vstupitel'naa lekcija. Literaturnaâ učeba*, 5, s. 131–142. [Замятин, Евгений. (1988). *Современная русская литература. Вступительная лекция. Литературная учеба*, 5, с. 131–142.]

Data zgłoszenia artykułu: 02.04.2022

Data zakwalifikowania do druku: 26.05.2022